

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.6>

Гоперхоева Дарья Рашидовна

**ВОЕННЫЙ ТРАВЕЛОГ И ЕГО РОЛЬ В САМООПРЕДЕЛЕНИИ РУССКОГО АВТОРА В
ЕВРОПЕЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

В статье рассматривается военный травелог в качестве нового этапа литературы путешествий первой половины XIX в. Основываясь на анализе "Писем русского офицера" Ф. Н. Глинки, автор предпринимает попытку определить черты, которые отличают военный травелог от других произведений литературы путешествий начала XIX в. Также в статье раскрывается, каким образом Отечественная война 1812 г. и Заграничные походы русской армии повлияли на русского писателя - участника военных событий, а именно на новое позиционирование себя в европейском культурном пространстве. Автор приходит к выводу, что сквозной мотив военного травелога - изменение роли России в общеевропейском контексте - находит свое продолжение в травелогах 1840-1850-х гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 29-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Андреев Л. Дневник Сатаны. Инфернальные метаморфозы в изложении русских писателей. Ташкент: Шарк, 1993. 426 с.
2. Виноградова (де Ля Фортель) А. Образы «телесности» в поэзии русского символизма (диаволический символизм) // Тело в русской культуре: сборник статей / сост. Г. Кабакова, Ф. Конт. М.: НЛЮ, 2005. С. 277-286.
3. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 304 с.
4. Кребель И. А. Мифопоэтика Серебряного века: опыт топологической рефлексии. СПб.: Алетейя, 2010. 592 с.
5. Мережковский Д. С. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1990. Т. 2. 768 с.
6. Минералова И. Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2008. 269 с.
7. Минц З. Г. Граф фон Оттергейм и «Московский Ренессанс». Символист А. Белый в «Огненном ангеле» В. Брюсова [Электронный ресурс]. URL: <https://mybiblioteka.su/5-138072.html> (дата обращения: 25.05.2019).
8. Нанси Ж.-Л. Corpus / сост., общ. ред. и вступит. ст. Е. Перовской. М.: Ad Marginem, 1999. 255 с.
9. Полтаробатько Е. Д. Введение к работе [Электронный ресурс] // Полтаробатько Е. Д. Категория телесности в акмеистическом дискурсе: дисс. ... к. филол. н. М., 2009. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/kategorija-telesnosti-v-akmeisticheskom-diskurse.html> (дата обращения: 23.04.2019).
10. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenskij/dukh-dusha-i-telo/ (дата обращения: 25.04.2019).
11. Чеснова Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М.: ИФ РАН, 2007. 213 с.
12. Шапира Л. Л. Комплекс Кассандры. Современный взгляд на истерию [Электронный ресурс]. URL: <https://rbook.me/book/14712516/read/page/5/> (дата обращения: 25.04.2019).

CODES OF “PHYSICAL BEING” IN THE RUSSIAN SYMBOLISM PROSE

Garipova Gul'chira Talgatovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
gulyagaripova1@rambler.ru

The article is devoted to the analysis of the “homo somaticus” problem in the Russian symbolism prose. The work focuses on the study of various components of the artistic opposition “physical being – spiritual being” basing on the material of novels by V. Bryusov, L. Andreev and D. Merezhkovsky. The paper traces the formation of the author’s world-modelling codes of “physical being” positioning authorial anthroposophical conceptions. The idea is substantiated that the basis of the physical codes of being in the Russian symbolism is the representation of “corporeality” as a phenomenon of the semantic context of human inner life.

Key words and phrases: physical being; homo somaticus; body as sign; phenomenology of corporeality; prose; Russian symbolism; anthroposophy; I-antinomy; myth; myth concept; semantization.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 14.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.6>

В статье рассматривается военный травелог в качестве нового этапа литературы путешествий первой половины XIX в. Основываясь на анализе «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки, автор предпринимает попытку определить черты, которые отличают военный травелог от других произведений литературы путешествий начала XIX в. Также в статье раскрывается, каким образом Отечественная война 1812 г. и Заграничные походы русской армии повлияли на русское писателя – участника военных событий, а именно на новое позиционирование себя в европейском культурном пространстве. Автор приходит к выводу, что сквозной мотив военного травелога – изменение роли России в общеевропейском контексте – находит свое продолжение в травелогах 1840-1850-х гг.

Ключевые слова и фразы: военный травелог; автор-путешественник; литература путешествий; Ф. Н. Глинка; «Письма русского офицера»; русская литература.

Гоперхоева Дарья Рашидовна

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
daria.goperhoeva@mail.ru

ВОЕННЫЙ ТРАВЕЛОГ И ЕГО РОЛЬ В САМООПРЕДЕЛЕНИИ РУССКОГО АВТОРА В ЕВРОПЕЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На протяжении первой половины XIX в. в русской литературе существовала определенная традиция издавать записки о проделанном путешествии. В большинстве случаев поездки совершались в страны Западной Европы. Истоками такой популярности путевых записок можно считать высокую оценку «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» Л. Стерна в европейской литературе и «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина – в русской. «Письма русского путешественника» были написаны в конце XVIII в.

и определили ход развития русской литературы путешествий. Многие авторы путевых заметок приняли произведение Карамзина за образец. Однако стоит заметить, что литература путешествий первой половины XIX в. претерпела значительную эволюцию под воздействием определенных обстоятельств. Одним из таких событий оказались наполеоновские войны, которые, помимо прочего, повлияли на возникновение и развитие военного путешествия. Заграничные походы русской армии 1813-1814 гг., во время которых русские офицеры и солдаты посетили европейские страны, представляют собой уникальное событие в отечественной истории. «Наступает новый этап пребывания за границей русских людей. Опять посещение разных стран в особых условиях, условиях весьма кровопролитной войны, то есть больших людских потерь, постоянных невзгод, но с ощущением ближайшей и окончательной победы» [4, с. 40]. Это еще одна причина, по которой и травелогисты не могли оставаться неизменными. Таким образом, представляется **актуальным** проследить, какое влияние эти события оказали на эволюцию литературы путешествий. **Научная новизна** данного исследования определяется попыткой рассмотреть военный травелог в качестве нового этапа литературы путешествий.

Именно во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813-1814 гг. появился ряд произведений, где эти события освещались непосредственно участниками военных действий. Как правило, военные либо вели дорожный дневник, который позже публиковали, либо делились впечатлениями в письмах к родным и друзьям. Здесь можно отметить «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова [7], «Журнал 1813 года» А. И. Михайловского-Данилевского [8], «Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов» А. Ф. Раевского [12]. Общим для всех перечисленных произведений можно считать патриотический настрой, что было характерно в период наполеоновских войн для большинства представителей русского образованного общества.

Цель данной статьи – рассмотреть военное путешествие на примере «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки как новый этап в литературе путешествий первой половины XIX в., определить ту главную составляющую произведений, написанных участниками Отечественной войны 1812 г., которая и выводит литературное путешествие на другой уровень. Представляется интересным проследить, как такие своеобразные условия – военные действия – повлияли на восприятие русским автором Западной Европы, каким образом сами авторы-путешественники определяли свое место в культурном пространстве Европы. Для достижения обозначенной цели следует решить следующие **задачи**: определить, как «Письма русского офицера» соотносятся со сложившейся к XIX в. традицией литературных «путешествий»; выявить те черты записок военных, которые и выделяют их среди остальных произведений литературы путешествий; проследить, как изменяется позиция русского путешественника по отношению к Европе по сравнению с авторами-путешественниками конца XVIII – начала XIX в.

Несмотря на достаточно большое число работ, посвященных литературе путешествий и отдельным травелогам, военное путешествие XIX в. практически не становилось объектом специального исследования. Однако в отдельных работах исследователи сходятся во мнении, что военный травелог представляет собой особый тип литературы путешествий. Можно отметить книгу С. Диккенсон «Закладывая основы: путешествие и национальная культура России от Петра I до эпохи Пушкина» [17], одна из глав которой посвящена «Письмам русского офицера» Ф. Н. Глинки, а также Е. Р. Пономарев в диссертации «Типология советского путешествия: путешествие на Запад в русской литературе 1920-1930-х годов» [10] характеризует военные травелоги как отдельную ветвь «путешествия на Запад» в русской литературе XIX в. В. Г. Базанов выделяет записки военных в качестве первых произведений декабристской прозы [1], Н. Н. Петрунина, придерживаясь схожего мнения, в статье «Декабристская проза и пути развития повествовательных жанров» [9] высказывает предположение, что травелоги времен Отечественной войны 1812 г. были подготовкой декабристских путешествий и писем конца 1810-х гг.

Ф. Н. Глинка был непосредственным участником Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813-1814 гг., эти события нашли отражение в последних томах «Писем русского офицера». Он присоединился к армии после того, как русские оставили Смоленск, участвовал в Бородинском сражении, после, в Тарутине, был назначен адъютантом М. А. Милорадовича и оставался в этой должности до конца войны 1812 г. [15, с. 191]. Глинка, как и многие авторы, оставившие путевые записки и мемуары об этой войне, участвовал в общественной и творческой жизни страны того периода и имел непосредственное отношение к литературе. Он пробовал себя как в прозе, так и в поэзии. Помимо своих записок, Глинка знаменит сборником «Опыты священной поэзии», он был редактором «Военного журнала», а с 1816 г. членом и в дальнейшем председателем «Вольного общества любителей российской словесности». Также не оставался в стороне и от внутренних политических событий – активно участвовал в движении декабристов, был членом Союза спасения и Союза благоденствия.

Конец XVIII – начало XIX в. справедливо называют «эпохой путешествий», что предполагает и возросшее число поездок за границу, и многочисленные описания этих путешествий [6, с. 59-60]. Со временем, во многом под влиянием «Писем русского путешественника», утвердился определенный набор формальных признаков этого жанра. Е. С. Ивашина отмечает: «Устойчивые мотивы были свойственны предисловию, “предупреждению к читателю”; присущий путешествию характер посвящения, как и само наличие предисловия и посвящения, признавался обязательным. <...> Сочетание стихов и прозы, особый способ оформления (как правило, в виде писем), обильное цитирование, а также ряд постоянных сюжетных мотивов – все это постепенно становилось “каноном” литературного “путешествия”» [5, с. 9].

По внешнему плану «Письма русского офицера» не выделяются на фоне остальных путевых записок. Глинка использует форму писем, чередуя их с небольшим количеством статей о конкретных сражениях. Известно, что литература путешествий «с трудом поддается определению, представляя пестрое разнообразие форм, тем и установок» [16, с. 10], но именно письма и дневники были самыми функциональными формами литературы

путешествий XIX в. Как и во всех произведениях такого типа, записи Глинки снабжены датой и содержат информацию о месте написания. Однако обозначение даты и места не просто указывает на хронологические рамки поездки, а демонстрирует, что автор стал очевидцем важного для страны и Европы события. Глинка ведет свой «репортаж» из разрушенной Москвы, с Бородинского поля, из Парижа, занятого русскими войсками.

«Письма русского офицера» не обходятся и без посвящения. Свое произведение Глинка адресует старшему брату Сергею Николаевичу. Глинка в той или иной мере использует и другие, отмеченные Ивашинной, характерные черты литературного путешествия. Несмотря на оригинальность темы, постоянные сюжетные мотивы сохранены в «Письмах...»; они, как правило, появляются в главах, в которых Глинка описывает посещение известных достопримечательностей в той части Европы, где военные действия временно не ведутся. Название также отсылает к произведению Карамзина, однако тут Глинка конкретно обозначает свой род деятельности – военный – и обстоятельства, в связи с которыми он оказался в Польше, Австрии, Пруссии, Франции, – «Отечественная и Заграничная война с 1812 по 1815 год». Таким образом, автор дает понять, что поездка по Европе предпринята им не по собственному желанию. Еще прямее он заявляет о своем понимании путешествия в обязательном предисловии, вступая в своеобразную полемику с несколько ироничной классификацией путешественника Стерна, которую тот приводит в «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии». Глинка подчеркивает, что все типы путешественника, названные Стерном, – «праздные путешественники, пытливые путешественники, лгущие путешественники, гордые путешественники, тщеславные путешественники, желчные путешественники, путешественники поневоле, путешественник правонарушитель и преступник, несчастный и невинный путешественник, простодушный путешественник... чувствительный путешественник» [13, с. 22], – ему не подходят, так как он «путешествовал по обязанности, а не от праздности или пустого любопытства» [2, с. 1-2]. Определенно классификация Стерна и, как следствие, модель путешествия Карамзина, где основной фокус сконцентрирован на авторской личности, становятся тесными в условиях войны с Наполеоном. «Военное путешествие периода наполеоновских войн не сопоставимо уже ни с карамзинизмом, ни со стернианством» [10, с. 82]. Было также отмечено, что автор военного травелога больше напоминает путешественника петровской эпохи [Там же, с. 83]. Действительно, как и те, кого Петр I отправлял за границу перенимать иностранный опыт, военный путешественник начала XIX в. деятелен, для него характерна активная жизненная позиция, он стремится принести пользу стране.

Больше точек соприкосновения «Писем русского офицера» – именно в тематическом плане – можно найти с другим знаменитым произведением русской литературы XVIII в. – «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Базанов отмечает определенное влияние «Путешествия» на Глинку – некоторые главы, например «Сетования поселян», «Тверь» из «Замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии», которые позже также были включены в «Письма русского офицера», написаны в духе этого произведения Радищева [1, с. 12]. В военном травелоге на первом плане оказывается значимое событие в истории страны, у Радищева в основе лежит внутривосточная ситуация, что весьма сближает эти произведения. Цели военных травелогов можно назвать глобальными, они отличаются от «удовольственных» целей описания «мирного» путешествия. Базанов отмечал, что Глинка «вывел традиционный жанр “писем” из узкого круга тем сентиментального путешествия, поставив при этом большие социальные и философские проблемы, выдвинутые действительностью XIX века» [Там же, с. 26]. Глинка главной задачей видит передачу своих наблюдений, а также ставит целью прославление доблести и героизма русской армии и населения, которые он неоднократно подчеркивает: «Сердца русские внимали священному воплю сему, и мужество наших войск было неописанно» [3, с. 25]. Функции автора-путешественника также становятся сложнее. В его задачу теперь входит не столько познакомить читателя с реалиями другой страны, сколько передать события с различных точек зрения. Поэтому Глинка преподносит свои наблюдения и как непосредственный очевидец событий, и как военный историк – он пытается осветить какое-либо сражение с точки зрения тактика и профессионального военного. Также он передает свои впечатления о бытовых сторонах жизни в других странах, в относительно мирные периоды посещает достопримечательности, сравнивает характеры жителей немецких земель, Франции, Польши, России. Но даже самые обыденные события рассматриваются им со стороны военного путешественника. Он сам говорит о своих отличиях от обычного пугника, когда вместе с другими офицерами побывал в местах, где проходили сражения Семилетней войны: «Путешественники отыскивают следы древних зданий и городов. Умный и чувствительный Мориц искал в Италии места жилищ Горация, Цицерона и Вергилия, а мы отыскиваем места, где лилась кровь!..» [Там же, с. 171].

Свои заметки о войне 1812 г. Глинка характеризует, используя слова И. А. Крылова. Он рассказывает о своем разговоре с В. А. Жуковским в 1817 г., который предложил переиздать «Письма русского офицера», предварительно отредактировав текст. Все присутствующие поддержали Жуковского, кроме Крылова. «Нет! – сказал он, – не изменяйте ничего: как что есть, так тому и быть. Не позволяйте себе ни притачиваний нового к старому, ни подделок, ни вставок: всякая вставка, как бы хитро ее ни спрятали, будет выглядывать новою заплатою на старом кафтане. Оставьте нетронутым все, что написано у вас где случилось, как пришлось... Оставьте в покое ваши походные строки, вылившиеся у бивачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех незабвенных биваков» [Там же, с. 3]. Некоторые исследователи высказывают сомнения в том, что правка не производилась, так как произведение характеризуется повышенной риторикой, цветистыми оборотами, цитатами из литературы и подробными отсылками к мировой истории, что, действительно, не производит впечатление записок, составленных на ходу. Однако А. Г. Тартаковский отмечает, что «в процитированных припоминаниях Ф. Глинки речь шла об оставлении нетронутым в новом издании уже напечатанного в 1815-1816 гг. текста

«Писем», а отнюдь не о том, чтобы не подвергать каким-либо изменениям возникшие еще в период походов и путешествий дневниковые записи...» [15, с. 200]. Безусловно, редакция присутствовала, но она была направлена на объединение журнала и дневниковых записей, которые Глинка вел во время походов. Его «путешествие» 1812 г. начинается еще в России. С первых строк автор показывает контраст между мирной природой и войной: «Природа в полном цвете!.. Не знаю, отчего сердце мое отказывается участвовать в общей радости творения... Предчувствие какого-то отдаленного несчастья меня пугает...» [3, с. 3]. В «Письмах русского офицера» такие описания встречаются достаточно часто, что дало основание В. В. Сиповскому говорить о том, что Глинка идет дорогой Карамзина, не обходя стороной «буколические картины природы» [Цит. по: 1, с. 27]. Однако можно заметить, что Глинка прибегает к ним преимущественно с целью подчеркнуть тот факт, что война несет разрушения. Даже природа против войны, что подтверждают многочисленные грозы и бури. По его мнению, Наполеон представляет разрушающую силу, противостоять которой может лишь русская армия. «Он подобен бурной реке, надменной тысячью поглощенных источников; грудь русская есть плотина, удерживающая стремление, – прорвется – и наводнение будет неслышанно!» [3, с. 4]. Таким образом, Глинка заявляет, что Россия – спасительница Европы. Он еще не раз укажет на этот факт, который все больше подтверждается по мере развития войны. В «Письмах русского офицера» Россия предстает в абсолютно новой роли. Если раньше путешественники ехали в Европу учиться – постигать плоды просвещения, посещать музеи и всемирно известные достопримечательности, то сейчас путешественник в рядах русской армии направляется помогать европейским народам справиться с разрушающей силой Наполеона, которого называет извергом, а французскую армию – злодеями: «Наконец, утомленный противоборствием наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. Злодеи тотчас исполнили приказ изверга» [Там же, с. 10]. На первом этапе главным было отразить нападение на отечество, в дальнейшем же оказалось, что только русская армия способна остановить французов: «Нет, друг мой! ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии давно, а может быть и никогда еще не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровождаемого сражения! – Одни только Русские могли устоять: они сражались под отечественным небом и стояли на родной земле» [Там же, с. 26-27]. Он обращает внимание на единство армии и патриотический порыв представителей всех сословий: «Как сладко напоминать то время, когда между богатыми и бедными, между детьми знатных отцов и простых дворян не было никакой разницы» [Там же, с. 8]. Глинка подробно рассказывает о роли каждого сословия, чтобы показать войну как всеобщую трагедию. Это ощущение он подчеркивает многочисленными риторическими восклицаниями: «Повсюду стон и разрушение!.. Мы живем во дни ужаса! Прощай!.. – Может быть, в этом мире уже навсегда!..» [Там же, с. 12].

Глинка часто сравнивает войну с Наполеоном с важными событиями как в отечественной истории, так и в мировой. «Мой друг! настают времена Минина и Пожарского! Везде гремит оружие, везде движутся люди! Дух народный, после двухсотлетнего сна, пробуждается, чуя угрозу военную» [Там же, с. 6]; «Я видел ужаснейшую картину – я был свидетелем гибели Смоленска. Погубление Лиссабона не могло быть ужаснее» [Там же, с. 10]. Причем героические поступки ассоциируются именно с историческим прошлым России, а к мировой истории автор прибегает, чтобы подчеркнуть масштаб событий.

После Бородинского сражения Глинка все больше убеждается в освободительной роли русской армии. Он сравнивает русских с немцами, французами, поляками – народами, участвующими в этой войне, и делает вывод, что русский народ богат духовно, хотя и считает, что из-за иностранного влияния представители высшего общества оторвались от своих корней: «К сожалению, с того времени, как Французские моды вскружили головы Французских питомцев, на Руси изредка стали заглядывать в поместья свои. <...> Питомцы Французов, не заботясь о наследии отцов, входят в долги, читают Французские романы и не могут поверить, что в стране своей родной с счастьем можно в селах знаться!» [Там же, с. 34].

Не раз он высказывает критику в адрес тех, кто нанимает французских учителей для своих детей: «Друг мой! Французы-учители не менее опасны и вредны Французов-завоевателей: последние разрушают царства, первые – добрые нравы, которые, неоспоримо, суть первейшим основанием всех обществ и царств» [Там же, с. 35]. В какой-то степени он рассматривает эту войну в целом как освободительную именно от власти иностранного влияния, во время которой население России осознает свою силу, люди обратятся к собственной истории и будут дорожить своими ценностями, что в будущем способствует развитию во многих областях. «Генерал Вильсон говорит, что война эта подвинула Россию на целое столетие вперед на пути опытов и славы народной. – Мой друг! молнии и зарницы электрического своего силою способствуют зрелости жатв; молнии войны пробуждают дух народов и также ускоряют зрелость их. – Таков порядок вещей под солнцем!..» [Там же, с. 49]. Рассказывая о Жуковском, который оставил свои поэтические занятия и решил участвовать в Бородинской битве, он замечает: «Отечественная война переродила людей» [Там же, с. 61-62]. С другой стороны, победное шествие русской армии по Европе – вторая часть войны – способствует избавлению от стереотипов о России среди некоторых европейских народов. Участники войны в своих записках и воспоминаниях подчеркивали, что русских считали диким народом: «Парижане, воображая русских по описанию своих патриотов варварами, питающимися человеческим мясом, а казаков бородатыми циклопами, чрезвычайно удивились, увидевши русскую гвардию...» [11, с. 126-127]. Глинка показывает, как по мере продвижения к Парижу русские офицеры и солдаты развеивают подобные суждения. И в то же время опровергается устоявшееся мнение о французах как просвещенном народе. Теперь уже Глинка представляет французскую армию во главе с Наполеоном подобной варварам, уничтожающим все на своем пути. Во время зимы в рядах отступающих французов разразился голод, и автор стал свидетелем случаев каннибализма. Это обстоятельство стало для него еще одним доказательством своего рода бездуховности французской армии. Следует отметить вместе с тем, что Глинка не приводит гиперболизированных описаний, он показывает, что люди от голода и холода стоят

на пороге сумасшествия, поэтому и идут на такие крайности: «Голод, стужа и страх помрачили их рассудок и наложили немоту на уста...» [3, с. 48]. Однако подобные поступки для него все равно являются недопустимыми и показательными: «Мой друг! В самых диких лесах Америки, в области Каннибалов, едва ли можно видеть такие ужасы, какие представляются здесь ежедневно глазам нашим. До какой степени достигает остервенение человека! Нет! голод, как бы он ни был велик, не может оправдать такого зверства» [Там же, с. 54]. Примечательно, как меняются взгляды и русского путешественника, и жителей Европы. Глинка подчеркивает, что люди, живущие в Германии, Австрии, не считают русских захватчиками, а приветствуют их как освободителей. Встречая все больше таких приемов от жителей более лояльных к России стран, Глинка предается утопическим мечтам о дне, когда все европейское население заговорит на русском языке и сможет оценить богатство русской культуры: «Неоспоримо, что слава народа придает цену и блеск языку его. <...> Теперь уже всякий Саконец имеет ручной Российский словарь – и скоро, скоро может быть, – как сладко мечтать о сем! – богатый язык великого отечества нашего загремит на берегах Эльбы – и там, где победа украшает лаврами знамена народа Русского, станут читать Русских писателей...» [Там же, с. 133]. Глинка в своих «Письмах...» старается показать, что русская армия в представлении европейцев – грозная сила во главе с милосердным императором. Он считает, что только Александр I способен довести до конца начатое и разрушить планы французского императора: «Некогда монарх сказал Кутузову: “Иди спасать Россию”. Теперь, кажется, слышен в небесах голос самого Бога, вещающий Александру Первому: “Гряди освобождать Европу!”» [Там же, с. 65]. Именно в этом утверждении проявляется новое для русского путешественника позиционирование себя в европейском пространстве. А Глинка, если вспомнить предисловие, все-таки считает себя путешественником, хоть и военным. М. С. Стефко отмечает, что на протяжении всего XVIII в. Россия стремилась стать частью как военно-политического, так и культурного пространства Европы, что удалось достичь к началу XIX в. [14, с. 3]. В «Письмах русского офицера» показана еще большая трансформация сознания русского дворянина по отношению к чужим краям. Теперь он едет в чужие земли не получать, а спасать, ведь Европа, он уверен, нуждается в России. Эту мысль Глинка развивает на протяжении всего похода: «Мы угрожаем сильным и защищаем слабых. Вера, законы и собственность народа для нас священны» [3, с. 70].

Исходя из вышесказанного, казалось бы, можно сделать вывод, что путешествие Глинки идеологическое, направленное лишь на критику других стран, но это верно лишь в некотором смысле. Безусловно, Глинка осуждает «навязанные» ценности французов и в связи с возросшими патриотическими настроениями активно возвышает особенности русской культуры. Однако он не только критикует, но отмечает и положительное в обычаях других народов, в бытовой жизни простых людей. Он признает, что по качеству жизни русский крестьянин уступает немецкому. Вместе с тем он верит, что его соотечественники через какое-то время жить будут даже лучше. При этом высказывается мнение о пользе образовательного путешествия в другие страны: «Если б дети богатых наших господ ездили путешествовать единственно для пользы себе и своему отечеству: то, вместо того чтоб ринуться в блеск и разврат Парижа, они заезжали б в эти горы. Здесь научились бы они, что можно сделать прилежанием и трудом» [Там же, с. 188].

Кульминационным моментом многих путешествий по Европе становилось посещение Парижа. Для Глинки этот город тоже конечный пункт, впечатления о нем нашли отражение в заключительной части «Писем русского офицера». Так как во время его пребывания в Париже военных действий в городе уже не велось, последняя часть произведения ближе к традиционным путевым заметкам. Автор намечает план посещения известных достопримечательностей Парижа, меняет военную форму на обычный костюм и несколько изменяет структуру своих записей, все больше прибегая к коротким зарисовкам, что было свойственно «мирному» путешественнику. Однако Глинка не разделяет того восторга по отношению к Парижу, который был свойственен многим путешественникам. Он признает, что для русского человека, воспитанного на французской литературе, этот город значит много. «Наконец, думал я, увижу и я тот город, в который стекаются любопытство, золото и страсти из самых дальних краев Европы... <...> Парижские [окрестности] довольно приятны для глаз; а для воображения, напитанного Французскими романами, они должны казаться восхитительны. – Рыцари Крестовых походов, воспетые Тассом, не с такою приятною тревогою чувств приближались к цели дальних походов и великих трудов своих, как питомцы Французского воспитания приближаются к столице Франции» [Там же, с. 385]. Можно сказать, что свое описание Парижа он выстраивает от противного, как человек, отказавшийся от подобных представлений. С первых же минут он оказывается разочарован: «“Так это-то Париж!” – думал я, видя тесные, грязные улицы, высокие старинные, запачканные дома и чувствуя, не знаю отчего, такой же несносный запах, как и за городом от тлеющих трупов и падали» [Там же, с. 390]. Он находит и положительные моменты, например, хвалит организацию Инвалидного дома, но в основном развенчивает мифы о великолепии Парижа и рассказывает о недостатках столичных жителей: «Тогда ты уже совсем пропал: Парижанин скорее согласится быть мошенником, нежели прослыть смешным!» [Там же, с. 393]. Он подкрепляет свое мнение о некоторых знаменитых местах и французскими книгами: «Развертываю книгу “Указатель Парижа” и смотрю, что в ней сказано о Пале-Рояле. “Честь и добродетель изгнаны из мест сих. <...>” Вот что говорят сами французы о Пале-Рояле в книгах своих, продающихся в самом же Пале-Рояле» [Там же, с. 394]. Свои впечатления он подытоживает «Разными мелкими замечаниями о Париже и французах», где собирает доказательства самых стереотипных пороков французов – любовь к роскоши, ветренность, плутовство, но также признает и положительные стороны, например любовь к чтению. Глинка настаивает, что, если и подражать каким-либо чертам других народов, то только лучшим. «После этого замечания невольно скажешь сам себе: если уже суждено роком нам, Русским, передразнивать во всем Парижан и слепо поклоняться модам их: то почему вместо всего, что занимаем у них худого, почему не перейдем хорошего?» [Там же, с. 491-492].

«Разоблачения» Глинки, которые он высказывает на протяжении всего произведения, призваны показать, что пришла пора отходить от «поклонения» Европе и, в первую очередь, Франции. Уверенность в освободительной миссии русской армии задает тон всему произведению, автор старается доказать, что по своим заслугам в избавлении от угрозы и защите мира таким центром должна стать Россия. Глинка по-своему решает проблему самоопределения русского человека в Европе. Он призывает вспомнить лучшие национальные черты, но не игнорировать опыт и иностранцев. «Письма русского офицера» отразили перемены, происходящие в обществе того времени и, в свою очередь, задали направление в самоопределении русского путешественника в Европе. Можно сделать вывод, что именно факт изменившегося мнения о положении России в европейском пространстве и становится сквозным мотивом военного травелога. Сложно определить, как военный травелог повлиял на записки о путешествиях 1820-1830-х гг., так как именно в этот период в отечественной литературе путешествий наметился спад и произведения подобной тематики публиковались в ограниченном количестве. Но можно с уверенностью сказать, что позиция, выраженная в «Письмах русского офицера», получила продолжение в описаниях путешествий 1840-1850-х гг. Несмотря на довольно продолжительный период, который прошел с момента публикации «Писем...», и определенные события и обстоятельства, такие как восстание декабристов и последующее правление Николая I, в 1840-е гг. русский автор путевых записок идет дорогой Глинки. Такой путешественник самодостаточен, анализирует увиденное, не следуя заранее созданным шаблонам, и старается взять лучшее от каждой культуры, хотя, в отличие от Глинки, его текст не осложнен активной патриотической позицией. Но он, как и автор «Писем русского офицера», не стремится показать себя частью европейской культуры, он уже уверен в этом. Участие и дальнейшая победа русских в наполеоновских войнах стали отправной точкой для развития таких убеждений, зафиксированных в военном травелоге и нашедших продолжение в текстах путешественников последующих годов.

Список источников

1. **Базанов В. Г.** Поэтическое наследие Федора Глинки (10-30-е годы XIX в.). Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1950. 128 с.
2. **Глинка Ф. Н.** Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, а также с подробным описанием похода Россиян противу Французов, в 1805 и 1806, а также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 г.: в 8-ми частях. М.: В типографии С. Селивановского, 1815-1816. Ч. 1. 242 с.
3. **Глинка Ф. Н.** Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции: с подроб. описанием Отеч. и загранич. войны с 1812 по 1815 г.: в 5-ти ч. М.: Тип. «Русского», 1870. 500 с.
4. **Гросул В. Я.** Русское зарубежье в первой половине XIX в. М.: РОССПЭН, 2008. 701 с.
5. **Ивашина Е. С.** О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1979. № 3. С. 3-16.
6. **Куприянов П. С.** Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59-73.
7. **Лажечников И. И.** Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым. М.: Тип. Н. Степанова, 1836. 286 с.
8. **Михайловский-Данилевский А. И.** Мемуары. 1814-1815. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2001. 400 с.
9. **Петрунина Н. Н.** Декабристская проза и пути развития повествовательных жанров // Русская литература. 1978. № 1. С. 26-48.
10. **Пономарев Е. Р.** Типология советского путешествия: путешествие на Запад в русской литературе 1920-1930-х годов: дисс. ... д. филол. н. СПб., 2014. 577 с.
11. **Раджицкий И. Т.** Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год: в 4-х ч. М.: Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1835. Ч. 3. 354 с.
12. **Раевский А. Ф.** Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М.: ЕВРОБОНД; Кучково поле, 2014. 206 с.
13. **Стерн Л.** Сентиментальное путешествие по Франции и Италии: роман, воспоминания, письма, дневник. СПб.: Вита Нова, 2006. 381 с.
14. **Стефко М. С.** Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX в.: дисс. ... к.и.н. М., 2010. 245 с.
15. **Тартаковский А. Г.** К изучению текста «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки // Источниковедение отечественной истории: 1981. М.: Наука, 1982. С. 190-208.
16. **Шёнле А.** Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790-1840. СПб.: Академический Проект, 2004. 271 с.
17. **Dickinson S.** Breaking ground: Travel and national culture in Russia from Peter I to the era of Pushkin. Amsterdam: Rodopi, 2006. 105 p.

MILITARY TRAVELOGUE AND ITS ROLE IN A RUSSIAN WRITER'S SELF-DETERMINATION IN THE EUROPEAN CULTURAL SPACE

Goperkhoeva Dar'ya Rashidovna

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
daria.goperkhoeva@mail.ru

The article considers the military travelogue as a new stage of travel literature of the first half of the XIX century. Basing on the analysis of F. N. Glinka's "Letters of a Russian Officer", the author attempts to identify the features that distinguish the military travelogue from other travel literature of the early XIX century. The article also reveals how the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army influenced the Russian writer who participated in military events, namely his new positioning in the European cultural space. The author comes to the conclusion that the cross-cutting motive of the military travelogue – the changing role of Russia in the pan-European context – finds its continuation in the travelogues of the 1840-1850s.

Key words and phrases: military travelogue; writer-traveller; travel literature; F. N. Glinka; "Letters of a Russian Officer"; Russian literature.